Стив повернулся и посмотрел в глаза.

— Я думаю, что могу помочь твоему отцу, — сказал он, словно закрывая тему брака и любви.

— Как? — удивился Баки. — Ты даже не видел его.

— Я — нет. Но Роана видела и много приметила. Она рассказала мне, что с ним, и как долго это продолжается. Я знаю смесь трав для отвара, который я уже использовал для наставника. Даже если он не поставит его на ноги, точно облегчит страдания.

Сердце Баки загорелось надеждой.

— Но мне нужен цветущий вереск. В это полнолуние, сорванный ночью, когда цветы его прикрыты. Я сам должен добыть его.

Баки кивнул.

— Я расспрошу Джека, что можно сделать. Если он не поможет, решу сам. Идём в чертог? Там уже накрыли на стол.

— Меня не звали, — нахмурился Стив.

— Ты — мой, помнишь? — Баки наклонился и поцеловал, ещё чувствуя вкус своего семени на его губах. — А значит, пойдём вместе. Или я никуда не пойду. Не бойся ничего. Со мной рядом никто не посмеет ни слова тебе сказать. Только держись поближе.

В чертоге за выставленными небольшой подковой столами уже сидели люди. Слуги нарезали мясо и раздавали ломти выпеченных пресных лепёшек, разливали бражное пиво и вино, другие разносили и расставляли на столах. За главным столом по центру подковы на мощном резном деревянном кресле, застеленном волчьими шкурами, сидел отец. Его чуть клонило набок, и мать, сидящая о левую руку, поддерживала его; но тот был в ясном сознании и сразу увидел его, стоило им ступить под деревянные своды чертога. Тонкие бледные губы под заросшими усами и бородой едва заметно изогнулись. Баки склонил голову в поклоне и постоял так, выражая отцу почтение — и крепко сжимая в ладони руку Стива. Ему было всё равно, кто и что может подумать на этот счёт. Он не собирался её выпускать.

Звуки, казалось, стихли вмиг, и между ними натянулась тёплая звенящая нить. Баки не чувствовал её с тех пор, как перестал ощущать себя ребёнком.

— Рад видеть тебя, отец, — сказал он отчётливо, и голос раскатился от стены до стены крепости.

— И я рад видеть тебя живым, сын, — тихо, хрипло ответил отец и закашлялся. Мать тут же протянула ему вышитую тряпицу, и тот прикрыл ей рот. Джон, сидевший рядом с Роаной по правую руку от отца, уставился в стол перед собой. Баки почувствовал, как Стив сжал его руку пальцами. Когда отец откашлялся, то спросил: — Кто с тобой?

— Этот друид спас меня и выходил. Он вытащил нескольких с поля, где нас нашла смерть. Выжил я один. Теперь моя жизнь — его жизнь.

Баки не хотел вдаваться в подробности, каким именно способом ему удалось выжить. А отец, принимая его обет о разделённой жизни, только кивнул головой, не расспрашивая. Такими словами в их семье не бросались. И только мать сидела с каменным лицом и невидящим взглядом. Баки было неприятно расстраивать её скорым отъездом. Но он не мог ублажать чужие прихоти — у него были свои. Прихоти и обязательства.

— Садитесь к столу, — прокаркал отец и указал рукой на свободное место на скамье поближе к главному столу. — Теперь это и твой дом, друид.

Стив глубоко кивнул, задержавшись — подсмотрел, как делал это Баки, и они пошли к местам, что им указали.

— Спасибо, что не назвал имени, — прошептал Стив, когда они уселись, и все вокруг начали есть.

— Я бы рассердился, если бы кто-то называл моё имя без разрешения перед толпой народа, — улыбнулся ему Баки. — Будет возможность — сам назовёшься.

Толпы, конечно, тут не вместилось. Баки увидел и кивнул Джеку и ещё десятку мужчин, хорошо знакомым ему по ристалищу, что оставались защищать крепость, пока он уезжал грабить и убивать со своим отрядом. Остальных воинов их небольшого гарнизона кормили в казармах. Была тут и дочь почившей тётушки, что когда-то точила на него зуб, пока он прямо не ответил, что отлюбить её не прочь, но жениться не намерен — он воин, и не собирается связывать себя узами брака. Тем более, раньше старшего брата. Ещё несколько женщин, помогавших матери вести хозяйство, прясть и вышивать, сидели поодаль — вот и все люди. Работники и слуги ели на кухне.

Баки впился зубами в истекающий соком кусок запечённой баранины, заел его хрустящей пряной лепёшкой и прижмурился от удовольствия. Были в возвращении домой свои плюсы.

После застолья мать подошла к нему, не успели они встать из-за стола.

— Отец просил тебя подняться наверх, — сказала она, показывая взглядом на настил над головами, куда некогда мощного здоровяка Ургуса уже проводил Джон.

— Хорошо, я сейчас поднимусь, — Баки хотел разобраться со всем как можно быстрее. Предчувствие, что ему не понравится разговор с отцом, становилось сильнее.

Леди Виннифред кивнула Стиву и, развернувшись, отправилась командовать на кухню, как поступить с остатками трапезы.

— Подождёшь меня в лекарне? — спросил Баки, заглядывая Стиву в глаза. Он физически ощущал, как друиду неуютно в каменных стенах. — Я вернусь к тебе сразу, как только смогу. Там по пути увидишь конюшни, загляни, в одном из стойл Джек закрыл Хмагу.

— Она тут?! С тобой? — искренне удивился Стив, распахивая глаза.

— Я думал, уйдёт в лес после того, как осталась одна. Но нет. Не бросила, — Баки улыбнулся и едва удержался, чтобы провести рукой по щеке Стива, урвать короткий поцелуй. — Пойдём на кухню, я попрошу отдать нам хотя бы часть костей для Хмаги.

С боем они вырвали таз с объедками у кухарок, и Стив, радостно улыбающийся, покинул чертог. Баки со странной тоской посмотрел на временную лестницу, ведущую наверх. Тяжело было видеть отца умирающим и слабым. Невольно закрадывались мысли, сколько ему самому ещё отмерено сил и бодрости, успеет ли он всё, что задумает, осуществить? Баки думал, что уж лучше умереть молодым, в бою, не успев пожалеть ни о чём.

Вздохнув, он поднялся по лестнице и, оказавшись перед дверью в родительские покои, постучал тяжёлым кованым кольцом.

— Входи, сын, — прокаркал едва слышно хриплый голос, и Баки толкнул дверь.

Вопреки ожиданием, ни матери, ни брата в покоях не было. Отец полусидел на ложе, ноги его были заботливо укутаны шкурами. Некогда ясные, с острым взглядом глаза заволокло пеленой усталости, и Баки, не в силах возвышаться над немощным отцом, опустился перед ложем на колени.

— Нет, сядь рядом, — отец слабо хлопнул по ложу рукой. — Мы будем говорить на равных, незачем тебе стоять тут на коленях, я ещё не умер.

Баки без слов пересел на ложе, осторожно, чтобы не прижать ненароком отца. Тот взял его за руку — ладонь, всё такая же широкая, была прохладной и слабой.

— Теперь у тебя одна рука, — сказал он.

Баки улыбнулся и кивнул.

— Я научился пользоваться ей не хуже, чем двумя. Не сидел без дела.

— Это хорошо, сын. Ты останешься в Дандарне?

Баки сжал губы. Отца расстраивать не хотелось, но и отмалчиваться бесконечно он не мог.

— Нет, отец. Я не могу остаться. Друид не будет жить здесь, а я не могу оставить его. Так нас связала Богиня.

Отец долго молча смотрел на него — Баки так же ровно отвечал взглядом, хоть и мало кто знал, как непросто это ему даётся.

— Она так и сказала, что вы уйдёте до Лугнасада, — вздохнул отец.

— Она? Ведьма? — встряхнулся Баки. — Она ещё здесь?

— Нет. Останавливалась за нашими стенами всего на день и ночь, купила что-то в дорогу и пошла дальше — на юг, к морю. Я думал, она поможет мне с болезнью. Но она не ведает трав. Она ведает пути прошлого и будущего.

Отец говорил медленно и тихо, Баки приходилось прислушиваться и разбирать каждое слово. На куске колоды рядом с ложем стоял глиняный кувшин и черпак, в который Баки налил ягодно-медового отвара и подал отцу. Напившись и передохнув, он снова стал говорить.

— Она сказала, что друид ведает травы и может помочь. Друид, с которым живёт мой младший сын. Я хотел выгнать её, но вот здесь, — он отпустил руку Баки и положил её себе на грудь, — я почувствовал, что это правда. И послал за друидом и тобой. Но потом она сказала мне ещё кое-что.

Он снова надолго замолчал, и Баки снова налил варево из кувшина в черпак, придерживая его, пока отец пил.

— У Джона не будет детей, — сказал он и впился взглядом в Баки. — И это не вина Роаны. Мой старший брат тоже был пуст. Это проклятие семьи Баарнс. Я ещё надеялся, но с Самхейна много воды утекло, и ведьма подтвердила мои мысли.

Баки замер. То, что сказал отец, было слишком, и никак не укладывалось в голове, не связывалось узлами с остальным. Наоборот, всё словно распалось на отдельные кусочки, и Баки лихорадочно думал, как теперь это всё собрать воедино.

— Он знает? — только и спросил Баки, слишком ошарашенный.

— Никто не знает. С ведьмой говорил только я. Ни мать, ни Джон, никто. Только я. И теперь ты.

Баки сурово сжал челюсти.

— Зачем ты рассказал мне это, отец? Я не встану на место Джона. Оно его по праву.

Когда-то широкий и тяжёлый от мышц, сильный и быстрый, а ныне постаревший, ослабший от затяжной болезни, Ургус был похож на выползшего по весне тощего медведя. Но глаза глядели на Баки с лисьей хитрецой.

— Даже если твой друид не поставит меня на ноги — я не стану удерживать силой. Все дороги открыты перед вами. А Дандарн всегда будет рад вашему возвращению, сын.

Баки кивнул, принимая отцовскую волю и снова с благодарностью сжимая его прохладную ладонь. Он ожидал проклятий в сторону своего упрямства и верности обетам, но не помощи и понимания. Тишина, снова повисшая между ними, прерывалась тяжёлым хрипящим дыханием.

— Но прежде чем вы уйдёте, я хочу, чтобы ты подарил Роане дитя, — проговорил отец медленно и разборчиво. — Сделал это для всех нас, для нашей семьи. И унёс эту тайну с собой. И никогда больше об этом не вспоминал.

Отец закашлялся, а Баки, с бухающим и отдающимся в ушах и затылке стуком сердца, даже не сразу дал ему варево. Пока отец пил, Баки смотрел на ручку деревянного ковша. Голова его была пуста, и пустота эта тихонько звенела. Тайн оказалось слишком много, и он не был к ним готов.

http://erolate.com/book/3459/83667